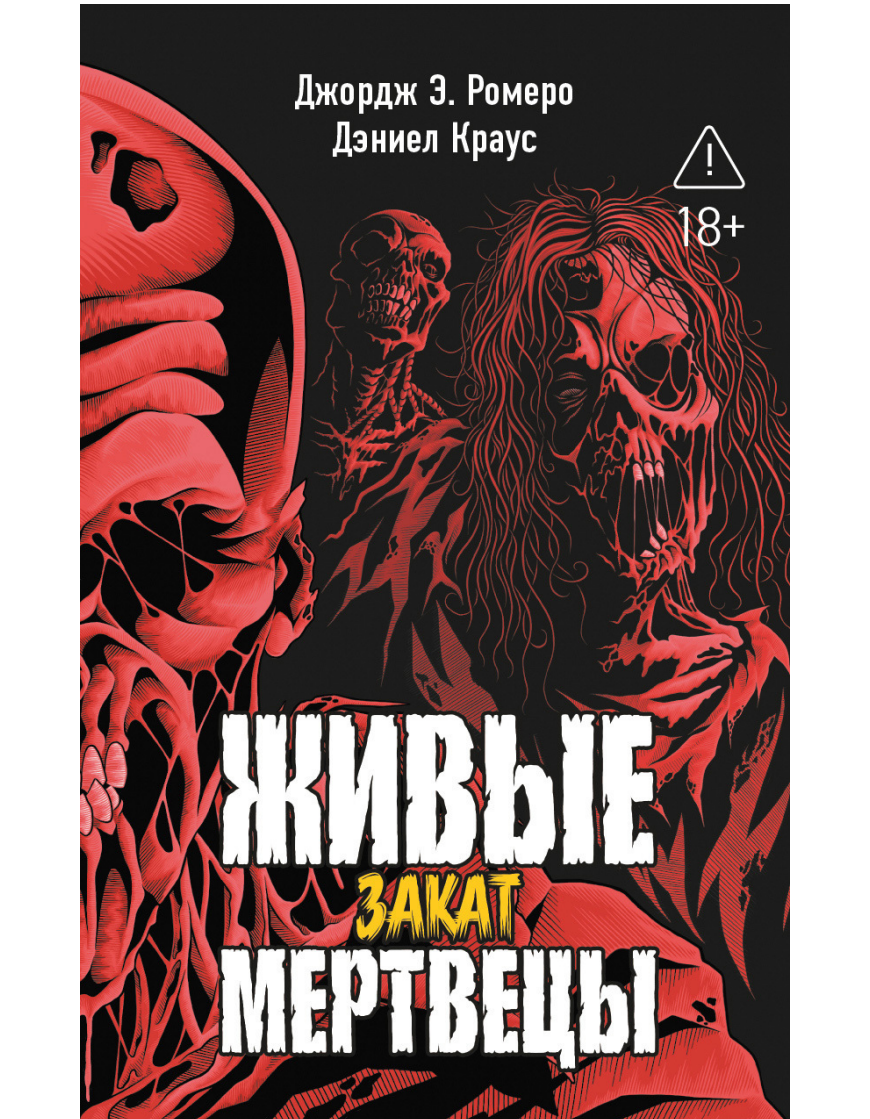

Джордж Э. Ромеро
Дэниел Краус

18+

ЖИВЫЕ
ЗАКАТ
МЕРТВЕЦЫ

Дэниел Краус
Джордж Эндрю Ромеро
Живые мертвецы. Закат
Серия «Живые мертвецы», книга 2
Серия «Последний сеанс»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72894982
Живые мертвецы. Закат: Феникс; Ростов н/Д; 2026
ISBN 978-5-222-47524-9*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Эпическая история невиданных масштабов, настоящая квинтэссенция зомби-хоррора, от самого крестного отца жанра, легендарного Джорджа Э. Ромеро. Он обратился к крупной литературной форме, чтобы рассказать трагическую историю о восстании мертвых и падении человечества так, как никогда не позволили бы ограниченные средства кинопроизводства. К сожалению, Ромеро умер, не успев завершить свой масштабный труд. По воле его вдовы высокая честь завершить роман выпала

известному хоррормейкеру, автору множества бестселлеров The New York Times Дэниелу Краусу.

Тысячелетиями человечество жило в ожидании конца света. И он настал, но началось все не с всемирного потопа, вторжения инопланетян или падения астероида, а всего лишь с одного трупа, удивительным образом не пожелавшего остаться мертвым. Эпидемия зомби распространилась с невероятной скоростью по всем континентам, цивилизация пала в считанные дни, а немногим уцелевшим в этой бойне пришлось сплотиться, ведя отчаянную борьбу за выживание против орд оживших мертвецов и беспощадных банд живых, пирующих на руинах старого мира.

Книга вторая – «Закат». Даже смерть смертна. Думаете, вам известен финал этой истории? Ошибаетесь...

Содержание

Акт первый	11
Убей нас взорви все покончи с этим	11
49. Уходи	11
50. Легион	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

ЗАКАТ

Джордж Э. Ромеро, Дэниел Краус **Живые мертвецы. Закат**

Это художественное произведение. Все персонажи, организации и события в этом романе являются вымыслом, любые совпадения с действительностью случайны.

The Living Dead

Copyright © 2020 by New Romero Ltd.

Copyright © 2020 by Daniel Kraus.

© Перевод: А. Варакин, 2025

© ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock

AI Generator / Shutterstock / Fotodom.ru

* * *

«“Живые мертвецы” – масштабная, современная, страшная эпопея, которая не только сохраняет верность канонам жанра, но и развивается в совершенно новом,

непредсказуемом направлении».

Пол Тремблей

* * *

«Если “Ночь живых мертвецов” была первым словом в хрониках оживших мертвецов, то “Живые мертвецы” – последнее слово. Грандиозное произведение».

Адам Нэвилл

* * *

«Утраченная классика Ромеро, которая еще очень долго не покинет ваши мысли после того, как вы закончите чтение».

Клайв Баркер

* * *

«Гениальная, кровавая работа, отмеченная присущими Ромеро остроумием, человечностью и беспощадными социальными наблюдениями. Как же нам повезло, что у нас есть этот заключительный акт “Гран-Гиньоля” от человека, который когда-то заставил

мертвецов ожить».

Джо Хилл

* * *

«Любой фильм о зомби существует в тени Джорджа Ромеро, но сам он никогда не получал таких бюджетов, которые позволили бы работать с подобающим ему размахом. К счастью, Дэниел Краус сумел завершить эпический труд, начатый Ромеро. Его тень стала немного больше»

Грейди Хендрикс

Акт первый

Рождение смерти

Протяженность: две недели

Продолжение

Убей нас взорви все покончи с этим

49. Уходи

Если бы кто-то захотел рассказать о том, как упорный труд и удача способствовали взлету WWN в круг ведущих кабельных новостей, то события 15 июля 2015 года в Jo-Jo's Hog, тускло освещенном ночном клубе в подвале в Новом Орлеане, должны были войти в пятерку лучших. В тот вечер одна из первых звезд телеканала, Октавия Глостер, репортер с бульдожьей хваткой, приглашенная из филиала NBC в Шарлотте, заканчивала специальный репортаж во Французском квартале о возвращении музыкальных заведений к жизни спустя пятнадцать лет после урагана «Катрина».

Король-Мьюз, он же Кинг-Конг, или КК для друзей, проводил саундчек в Jo-Jo's Hog, когда Глостер, работавшая в те

дни без продюсера, подошла к невероятно молодому фронтмену, чтобы сообщить ему, что будет снимать сюжет во время первого выступления группы. Нужно было выдать что-то оригинальное.

– Никогда не знаешь наверняка, – сказала Октавия Глостер. – Национальное телевидение. Кому-то это может понравиться.

Мьюз был в восторге от красивой деловитой репортерши. Ему было всего семнадцать, он был достаточно молод, чтобы поверить, что какой-то шум на фоне тридцатисекундного ролика второсортного новостного канала может привести его к славе. Мьюз играл в грязных блюзовых клубах три года, будучи самым юным игроком на этом поле. Это была немалая часть его жизни. Парень с нетерпением ждал прорыва.

Мьюз вел себя спокойно, сказал что-то вроде: «Да, у меня, возможно, что-то есть».

Когда пришло время выступать, он сначала дал группе настроиться, а затем поднялся на сцену. Городской запрет на курение был нововведением, и в таких местах, как это, на него не обращали внимания. Мьюз наклонил голову в дымный луч прожектора, прижался губами к микрофону и прорычал а капелла «Если бы блюз был женщиной».

Это была не самая уникальная его песня, но, если репортерша хотела блюз, это был рифф ля-мажор, пятая позиция, двенадцать тактов, блюз с большой буквы Б, который должен был звучать независимо от всех сказанных слов.

Мьюз закончил припев и уже собирался вернуться к соло на гитаре, когда мужчина, которого позже опознали как двадцатидевятилетнего Престона Гурли, пробился через прокуренный зал – свет софитов падал на его потное лицо – и поднял длинную руку с пистолетом калибра.357. Его целью была Джунипер Коулбек, девушка, которая, по словам Гурли, отвергла его. Сама она настаивала, что знала его лишь как соседа по дому.

Коулбек смогла прояснить этот момент, потому что ее не застрелили. Коулбек не застрелили, потому что Кинг-Конг, оправдывая свое прозвище – хотя изначально так, по иронии судьбы, называли довольно тощего мальчишку, – занес гитару в бейсбольном замахе, спрыгнул со сцены и обрушил своего лучшего друга – ярко-синюю глянцевую электрогитару «Гретч», которую подарил ему дядя Марлон на пятилетие – на череп Престона Гурли.

Из этого могла бы получиться просто еще одна городская легенда Нового Орлеана, но это событие было увековечено: кто-то заснял происходящее через левое плечо Октавии Глостер. Мьюз сотни раз пересмотрел видео на YouTube¹. Как и весь остальной мир, восхищенный вирусным видео (244 323 881 просмотр за первые две недели), он сам не мог поверить скорости своих реакций. Словно тренировался для этого удара точно так же, как тренировал пальцы для игры на шестиструнной гитаре.

¹ Иностраннный владелец ресурса нарушает закон РФ.

Видео длилось почти три минуты. В результате песня «Если бы блюз был женщиной» была прослушана двести сорок четыре миллиона раз. В течение пяти дней Мьюз исполнил ее в эфире «Ежедневного шоу» с Джоном Стюартом, на шоу «Джимми Киммел в прямом эфире», да и ведущие шоу «Взгляд» и «В прямом эфире с Келли и Майклом» осыпали его восторженными отзывами. Мьюз получил предложения от трех музыкальных лейблов, причем все они были подкреплены невозвратными авансами.

К началу следующей недели, когда на обложке Time появились забрызганные кровью останки разбитой вдребезги «Гретч» и слова «МУЗЫКА ВСЕ ЕЩЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ», новый агент Мьюза организовал ему полноценный тур по Японии, а сам Мьюз стал богатым молодым героем. Он привлек к себе еще больше внимания прессы, пожертвовав семьдесят три гитары общественным центрам города.

Почему семьдесят три? Потому что за месяц, прошедший после благородного поступка Мьюза, люди прислали ему семьдесят четыре гитары взамен загубленной «Гретч»: четырнадцать подержанных, а все остальные – новые. Мьюз с благоговением распаковывал каждую из них. После нескольких дней раздумий он выбрал одну, оставив себе изготовленный на заказ «Гибсон Лес Пол» 1978 года выпуска цвета альпийского снега с кленовым грифом и корпусом из красного дерева. Краска стерлась ровно настолько, чтобы гитара выглядела рабочим инструментом. Только тогда Мьюз взгро-

моздился на высокий кухонный табурет, один из немногих предметов мебели в его новом доме в Гарден Дистрикт, и осмелился слегка тронуть струны – просто чтобы настроиться. В течение следующих нескольких минут он уже во всем разобрался. Звучало многообещающе, но, как говорил дядя Фил, «никогда не узнаешь, что на уме у женщины, пока она не начнет кричать на тебя».

В то раннее воскресное утро, впервые за несколько недель, в одиночестве, на пустой, гулкой, засыпанной опилками кухне, Король-Мьюз заставил старушку «Гибсон» кричать. После двадцати минут опилки «жесткой любви» гитара так себя показала, что Мьюз залил слезами опилки у его ног. Поклонники, толпа которых выросла вокруг него как грибы после дождя, относились к Мьюзу по-разному, но сейчас это уже не имело значения, потому что он нашел себе нового лучшего друга.

В потертом, обитом красным бархатом чехле «Гибсона» лежало письмо от дарителей. Несмотря на кошмарную орфографию, оно было написано аккуратным, твердым почерком.

ТАКАК ТЫ ЛЮБИШЬ МУЗЫКУ БЛЮС
И ТАКАК МЫ ВИДЕЛИ ТЕБЯ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ
И ТЫОСТАНОВИЛ ЧЕЛОВЕКА ГОТОВОВО
СТРИЛЯТЬ ИЗ ПИСТОЛЕТА МЫ ХАТИМ
ПИРИДАТЬ ТИБЕ ЭТУ ГИТТАРУ НАШЕВО СЫНА
ХЬЮИТА КОТОРЫЙ ЛЮБИТ МУЗЫКУ БЛЮС.
ХЬЮИТТ ИСПОЛЬЗОВАЛ ЭТУ ГИТТАРУ ДЕВИТЬ
ЛЕТ. ЕМУ БЫЛО ВАСИМНАЦАТЬ ЛЕТ. ЕГО

ЗАСТРИЛИЛИ И ОН УМЕР. МЫ МОЛИМСЯ,
ЧТОБЫ КАЖДЫЙ РАЗ КОГДА ТЫ ИГРАЕШЬ
ХЬЮИТТ УЛЫБАЛСЯ ТАМ НА НЕБИСАХ ГДЕ ОН
СИЧАС ЖЕВЕТ.

– ИСКРИНЕ ТВОИ УИЛЛ И ДАРЛИН ЛУКАС

Отец Мьюза сбежал еще до его рождения, а мать – примерно тогда, когда он начал ходить. Ни у кого из тетюшек, дядюшек и бабушек, приютивших мальчика не было партнеров. Чтение записки от супружеской пары, подписавшейся как единое целое, задело какую-то струну глубоко внутри него. Поэтому Мьюз написал первое в своей жизни личное письмо, в котором подтвердил семье из Крэнстона, штат Род-Айленд, что не только будет играть на гитаре их сына, но уже назвал ее «Хьюитт». Десять дней спустя пришел ответ.

МЫ РАДЫ, ЧТО ТЫ ПАЛУЧИЛ ГИТАРУ. МЫ
РАДЫ, ЧТО ТЫ САБИРАЕШСЯ НА НЕЙ ИГРАТЬ.

– ИСКРИНЕ ТВОИ УИЛЛ И ДАРЛИН ЛУКАС

В течение следующих пяти лет, вплоть до того дня, когда мир пошел под откос, Мьюз написал десятки писем Уиллу и Дарлин Лукас и получил десятки ответов, каждый из которых отвлекал от жизни, становящейся все дерьмовее. Слава Мьюза в одночасье разделила его большую семью, как пирог, и каждый кусочек настаивал на том, чтобы пользоваться благосклонностью Мьюза. Раньше никто особо не заботился о его благополучии. Лукасы, которые хотели только лишь видеть, как дело их сына живет в музыке Мьюза, были надеж-

ны, и Мьюз цеплялся за них.

Мьюз знал множество малообразованных людей, но Лукасы были неграмотны до такой степени, что это казалось совершенно неправдоподобным, существующим разве что в стереотипах о жителях глубинки. В отличие от киношных плодов инцеста, любящих побренчать на банджо, Уилл и Дарлин казались воплощением невероятного спокойствия, как будто жизнь вдали от мирового технического прогресса каким-то образом сохранила их души. Судьбы супругов, судя по тому немногому, что они рассказывали, были весьма жестоки. Большая часть семьи Лукасов покоилась на кладбище, а несколько лет назад Уилл и Дарлин приехали на своем отремонтированном «Плимуте» 1962 года выпуска из Миссисипи в далекий-далекий Род-Айленд, где поселились в лагуне, которую унаследовали.

«Порядак вищей не как ни изминить», – часто писал Уилл. Мьюз чувствовал, что это утверждение вызвано не столько упадком духа, сколько осознанием крохотности человечества. Он напоминал себе об этом, когда орал в микрофон и истязал «Гибсон» перед переполненными залами: Мьюз сам тоже был крохотным, совсем крохотным.

Для блюзового музыканта потенциал суперзвезды в современной Америке имел свои пределы. Через пару лет потенциал Короля-Мьюза должен был достичь пика и перестать расти, но благодаря некоему стабилизирующему влиянию Лукасов Мьюз не был разочарован. У него было имя,

гонорары за альбом «Если бы блюз был женщиной» продолжали поступать, а это означало, что пришло время быть тем, кем Мьюз и хотел. Хьюитт Лукас хотел бы видеть в нем не модель с обложки журнала, а простого и честного блюз-музыканта.

Также пришло время лично встретиться с Уиллом и Дарлин. Мьюз купил им билеты на самолет и пригласил на выступление на вечеринке выпускников в Новом Орлеане, поселил в хорошем отеле и дал пару дней на самостоятельное знакомство с городом. Наконец он встретил их в Одюбон-парке, пару растерянных, вспотевших белых людей в слишком теплых выходных нарядах. Оба сердечно пожали парню руку, но Уилла трясло, а Дарлин едва сдерживала слезы.

– Это словно... – выдавила Дарлин. – Словно Хьюитт... Я знаю, что вы...

– Дарлин имеет в виду, – сказал Уилл, – что вы... Хьюитт был белым, как и мы.

– Ну да, – усмехнулся Мьюз, пытаясь преодолеть неловкость. – Да, это логично.

– Но это будто... – Уилл вытер не то пот, не то слезы.

– Будто Хьюитт спустился с небес, – завершила Дарлин. – Такой же живой, как раньше.

Мьюз угостил их легким ланчем за накрытым белой скатертью столом. Супругам явно было неуютно в этой обстановке, поэтому он, повинувшись инстинкту, затем предложил

им уличную еду: куриные стрипсы и вафли, – на которую Уилл и Дарлин жадно набросились. С набитыми ртами Лукасы рассказывали, что этот полет был первым в их жизни, а этот отель – вторым, в котором они останавливались. Первый раз они поехали в Тьюпело, чтобы похоронить Хьюитта на выкупленном семейном участке. В свою первую ночь в отеле «Новый Орлеан» Лукасы не сомкнули глаз, но наверстали упущенное во вторую ночь, устроившись на сиденьях взятой напрокат машины.

Мьюз настоял, чтобы они побыли с ним в последний вечер перед отъездом. Часы, предшествовавшие концерту, подтвердили, что Лукасы – хорошие люди. Они искренне предпочитали тишину беседам ни о чем. А Мьюз знал толк в звуках, и тишина пугала его. Но, черт возьми, день и так выдался странный, так что Мьюз предался этому звуковому эксперименту; получилась своего рода медитация. Через пару часов пребывания в тишине с Лукасами он начал вспоминать умерших родственников и друзей, с которыми давно расстался. Стал скорбеть о том, чего лишился и чего у него никогда не было, и смог простить себя за то, что, как он сейчас понимал, было плохим поведением: слишком много алкоголя, слишком много любовниц. Должно быть, именно с такими мыслями Уилл и Дарлин отправили ему «Гибсон».

Образ жизни Лукасов был куда более героическим, чем своевременный удар гитарой «Гретч». Мьюз знал, что, если ситуация с Jo-Jo's Hog повторится, эту гитару он разби-

вать не станет, хорошо это или плохо. Он хотел больше походить на Уилла и Дарлин. Хотел отстаивать мир. Единственный способ добиться этого, самый радикальный способ, особенно для американца, – научиться уходить от драки.

– Уходи, – напевал Мьюз себе под нос.

Да, он бы написал об этом песню, лучшую песню, которую люди, возможно, не полюбят сейчас, но будут помнить после его смерти.

– Уходи, – пропел он снова. – Уходи.

В последний раз Король-Мьюз видел Уилла и Дарлин за восемь дней до того, как пришли упыри, в международном аэропорту «Финикс Скай-Харбор» после начала тура, в ходе которого Мьюз должен был посетить Остин, Литл-Рок, Мемфис, Сент-Луис и Канзас-Сити. Мьюз был поглощен своими мыслями. Он уже начал сочинять «Уходи», но песня все еще варилась в голове. Он боялся изложить текст на бумаге, чтобы не разочароваться в результате. Поэтому удивился, когда Уилл крепко сжал его плечо, пока Дарлин была в дамской комнате. Скрип черной кожаной куртки, казалось, озвучил потрясение парня. Уилл всегда ограничивался рукопожатием – с Мьюзом, швейцарами, официантами.

– Дарлин... – Морщинки вокруг глаз Уилла стали глубже. – Она волнуется. Нет, это не вся правда, я тоже волнуюсь. Думаю о том, что ты там будешь совсем один... Летать на быстрых самолетах... Ездить на быстрых машинах... Делать черт знает что с быстрыми женщинами.

Мьюз покраснел.

– Кто вообще говорит «быстрые женщины»? – Это была шутка, но она сразу показалась неуместной. Мьюз стер с лица глупую ухмылку и стал серьезен. – Я со всем этим покончил, папа. Правда. Я чувствую, что меняюсь. У меня есть новая песня, я работаю над ней...

Мьюз замолчал. Губы Уилла были поджаты и дрожали. Голос тоже дрожал.

– Мне... Мне так приятно слышать, как кто-то... как кто-то снова называет меня папой.

– Ох, ну знаешь. – Мьюз пожал плечами, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло, но не мог, не хотел. Новый Король-Мьюз выбросил из головы всю лишнюю дрянь: родителей, которые бросили его, семью, которая вилась вокруг сворой стервятников – и осознал то, что было важно. – Я ведь просто... Ну, то есть я же именно так тебя и воспринимаю.

– Я думаю, сам Господь велел нам послать этот инструмент. – Глаза Уилла засияли. – И теперь вознаграждает нас.

– Это всего лишь приятные мелочи, – настаивал Мьюз, – отели, еда, билеты на концерт.

– Я не про эту награду. Бог дал нам возможность заботиться о тебе – вот настоящая награда.

Люди, снующие по вестибюлю, превратились в призраков, их образы рассеивались, как дым. Все, что Мьюз мог различить, – дрожащее лицо Уилла. Все, что мог чувствовать, – пальцы старика, впивающиеся в его плечо. Он хотел так же

обнять Уилла в ответ. Почему не обнял? Чего ждал?

– Со мной ничего не случится, папа, – сказал он. – Это я должен беспокоиться о тебе. Если захочешь посмотреть еще одно выступление, только скажи. Не заставляй разыскивать тебя, ладно?

Дарлин вернулась, возможно не подозревая о том, какие чувства охватили их, а может, прекрасно все понимая, и обняла Мьюза. Уилл торжественно пожал ему руку, и они направились к контролю, оставив Мьюза. Тот стоял и верил, что, если не двинется с места, слезы не потекут, а в интернете не появится видео под названием «КОРОЛЬ-МЬЮЗ ПЛАКАЛ В АЭРОПОРТУ!!!».

В конце концов Мьюзу пришлось сдвинуться с места, но он сделал это, низко опустив голову. Его разум бурлил от радости и грусти, по покрасневшемуся лицу текли струйки пота.

Не заставляй разыскивать тебя, ладно?

Утром 24 октября эти слова эхом отзывались в его снах. Концерт в Канзас-Сити прошел хорошо, но Мьюзу не терпелось вернуться домой. Он собирался многое поменять. На время отдалиться от группы. Поработать над каким-нибудь сольным материалом – только он и «Хьюитт». Закончить «Уходи». Составить список важных концертов. Школы. Общественные центры. Дома отдыха. Жилые комплексы и парки. Он плохо спал, мозг лихорадочно перебирал возможно-

сти. Мьюз разблокировал телефон и открыл Instagram², собираясь опубликовать свои мысли, чтобы не забыть.

В дверь гостиничного номера постучали.

Мьюз взглянул на часы: восемь тридцать.

– Я еще сплю! – крикнул он.

Еще один удар. И снова. И снова. Мьюз спустил ноги с кровати и медленно пересек комнату. Обычно он послал бы куда подальше того, кто беспокоит его в такую рань, но все равно уже встал, к тому же у него начиналась новая жизнь. Мьюз отодвинул щеколду, распахнул дверь и оказался лицом к лицу с Летицией Луз, чью записку обнаружил накануне вечером: «Я обслуживаю ваш номер и была бы очень признательна за чаевые». Мьюз видел Летицию пару раз, и ее почтительное поведение заставляло его чувствовать себя неуютно, как и всегда с обслуживающим персоналом.

Вежливая улыбка Летиции Луз превратилась в зияющую язву. Летиция смотрела исподлобья прямо на Мьюза, глаза напоминали белые фары. Она была обнажена ниже пояса. Зубы были покрыты красной слюной, а униформа горничной была испачкана кровью. Первое, что вспомнил Мьюз, – новость из Instagram о Бене Хайнсе, раздеваемомся догола перед сотрудниками отеля. Он понял, как эта ситуация выглядит со стороны: полуголая окровавленная горничная и Мьюз в одних трусах.

Позже он думал, что Лукасы без колебаний помогли бы

² Иностранец владеет ресурсом, нарушает закон РФ.

горничной.

Летиция с открытым ртом пошла прямо на него. Мьюз, возможно, и попытался бы остановить ее, но в приболотных деревеньках его достаточно часто кусали собаки, и он знал, что острые зубы причиняют ужасную боль. Мьюз отшатнулся, уворачиваясь от рук горничной. Она споткнулась, упала на тележку для обслуживания номеров и смела с нее остатки ребрышек, соль, перец, кетчуп, булочки и брикеты масла. Через несколько секунд Летиция поднялась на ноги, но Мьюз наехал тележкой ей на живот, прижав к стене. Было больно, но не ей: Летиция колотила тележку руками. Было больно ему. У Мьюза больше не было сил на драку. «Уходи, уходи».

– Ты в порядке? – требовательно спросил он. – Тебе нужна помощь?

Летиция зарычала, разбрызгивая кровавую пену.

Мьюз навсегда запомнил, что случилось дальше, но предпочел бы забыть. Решив не причинять вреда горничной, он отпустил тележку. Летиция набросилась на него с удвоенной яростью: наказание за непротивление. В течение десяти изнурительных минут он отбивался от горничной диванными подушками, пока наконец не затолкал в шкаф и не подпер дверцу стулом. Мьюз звал на помощь, которая так и не подоспела, и думал о том, насколько проще будет размозжить Летиции голову телефоном, столом, ведерком со льдом, чем угодно, ведь насилие всегда проще.

Прислонившись спиной к шкафу, он натянул одежду, шляпу и шарф, как обычно, облачился во все черное. Быстро схватил чехол, в котором хранился «Хьюитт» – не окровавленный, миролюбивый «Хьюитт», – и направился к лестнице, что всегда безопаснее в критической ситуации. Пятью этажами ниже Мьюз столкнулся с другим сотрудником отеля, на этот раз безголовым – по крайней мере, так ему показалось сначала. В мужчину выстрелили из чего-то. Скорее всего, из дробовика. У него не было половины шеи, и голова свисала вперед, подсакивая на груди, когда он приближался к Мьюзу. Один удар чехлом от гитары оторвал бы ему голову, но Мьюз удержался: «Уходи, уходи».

Мьюз намеревался все сделать правильно в вестибюле. Рассказать портье о том, что видел, пообещав объяснить все копам. Но в вестибюле царил настоящий бедлам, мебель была перевернута, пол засыпан туристическими брошюрами, а от лифта к входной двери вел широкий след крови.

Талл Бледсо, его водитель и друг, схватил Мьюза за плечи и повел прямо по лужам крови к выходу, навстречу пасмурному утру. Мьюз пытался остановиться, но Талл продолжал толкать его вперед, настаивая на том, что остальных участников группы «вытащить невозможно». Он не стал вдаваться в подробности. Они рухнули на передние сиденья «кадиллака». Когда Талл выехал со стоянки отеля, Мьюз сделал две вещи: включил радио и достал из мини-бара бутылку «Бима».

– Куда едем, босс? – Вопрос был достаточно обычным, чтобы скрыть ужас Талла.

Мьюз глотнул бурбона, выдохнул и ответил:

– Род-Айленд.

– Род-Айленд? – сорвался Талл. – Я имею в виду, куда мы направляемся прямо сейчас, говнюк!

– Просто убирайся из города, Талл, как можно быстрее.

Им не удалось убраться. Мало кто водил машину более агрессивно, чем Талл, и все же они оказались зажатými на развязке 35/670 и были вынуждены идти дальше пешком. Они провели целый день в бегах. То убегали от упырей, то мчались к другим нуждающимся. Из-за «Хьюитта» бежать было непросто. Талл проклинал Мьюза за отказ использовать гитару в качестве оружия. Той ночью они укрылись в незапертом салоне красоты.

Незапертом, но не пустом. Талл как раз развалился на одном из массажных кресел, когда из соседней двери, пошатываясь, вышел упырь в фартуке и вцепился Таллу в лицо. Зеркала отражали достаточно лунного света, чтобы Мьюз смог увидеть, как зубы упыря вонзились в губы Талла, а язык проник ему в горло. Упырь сделал укус, скользнул вверх и высосал левое глазное яблоко Талла. Мьюз понял, что последним, что увидел его друг, было собственное глазное яблоко, лопнувшее во рту у упыря, как помидор черри.

Мог ли Мьюз предотвратить это, будь он готов использовать «Гибсон» так же, как «Гретч»? Он сказал себе «нет»

и провел остаток ночи снова в бегах, пытаясь поверить в это. Он выбрал крайне неудачное время для пацифизма. «Если только, – подумал Мьюз, – это не лучшее время». Единственным чувством, которому он доверял сейчас, была грусть. Есть грустный блюз, который можно петь, и есть грустный блюз, который ты хранишь глубоко внутри себя.

Мьюз оказался на пивоварне «Уотерфолл», где его чуть не убило перебродившее пиво. Он украл «Веспу», если это все еще можно было считать воровством. Ехал на север, пока бензобак не поперхнулся и не забулькал. Тогда Мьюз пошел пешком. Он думал о Род-Айленде. Сидел на грязном перекрестке. Играл. Пил. Встретил девушку по имени Грир Морган. Прижался к ней своим измученным телом. Это было совсем не похоже на перепихоны на одну ночь, которые были у него на протяжении пяти лет. Если и было вокруг что-то мирное, то только Грир. Мьюз целовал ее до тех пор, пока не поверил, что отсюда открыты все дороги.

50. Легион

Упырей убивали, и прикончить удалось многих, хотя это держали в секрете от отца Билла, который не хотел, чтобы кто-то из упырей пострадал. Но его тут, внизу, не было, верно? Происходили как мягкие, так и жесткие убийства, говоря по-военному. Мягкое: лишает упыря некоторых возможностей. Например, тот случай, когда Нисимура использовал

топор, унесший жизнь Клэя Шульчевски, чтобы отрубить упырю руки. Жесткое: смерть, окончательная смерть. Скажем, когда Нисимура использовал пневматический гвоздемет, чтобы в упор всадить пять длинных гвоздей в лоб упыря. Он и команда миссионеров быстро поняли, что главное – голова. Удар в голову упокаивал упырей навсегда.

Команда – забавное слово в данном контексте. Нисимура был одновременно и лидером, и заложником. Вышли через флагманскую рубку, прошли мимо диспетчерской, спустились в отдел по связям с общественностью. Нисимура призвал свое «сияние», наметил путь и повел остальных за собой, но в спину ему упиралось несколько пушек. Каждый раз, когда миссионеры спускались, перед ними ставились новые задачи. Совершить налет на склад сухих продуктов и судовой магазин. Забрать что-то из медотсека. Посмотреть, какое оружие осталось на складе боеприпасов. Увеличить выработку пресной воды хотя бы на долю от максимальной мощности в девятьсот тысяч литров в день. Поднять дух истинно верующих, укрывшихся в машинном отделении, принеся еду, воду и благие вести от отца Билла. Это была мучительная работа, каждый поворот за угол был пыткой ожиданием. В этом углу ничего, в этом – ничего, а в этом – восемь упырей. Их плоть содрогается, внутренности вываливаются, челюсти щелкают. Шесть миссий за четыре дня, шесть человек погибли. Одного только поцарапали, но миссионеры знали, что к чему, и растоптали ему голову: ботинки были

тише пуль. Ярость все нарастала, и ей нужен был выход. Нисимура пытался проявить понимание. Война есть война. Когда другие миссионеры захотели задержаться, чтобы помучить упыря, он воззвал к логике: на пытки не было времени. Мужчины сердито посмотрели на него. Как легко было бы сообщить Хенстрому, что Нисимуру сожрал упырь. Так что ради Ларри, Ацуко, Чио, Дайки, Неолы и Беа он должен был оставаться полезным. Проходя мимо «Копилки идей» Виверса, он остановился. Внутри лежал скомканный клочок бумаги. Нисимура запомнил это предложение, довольно дельное: «УБЕЙ НАС ВЗОРВИ ВСЕ ПОКОНЧИ С ЭТИМ». В глубине корпуса было помещение, используемое для переработки мусора. Дерево, металл, пластик, всякий хлам. Теперь еще и упыри. Окончательно мертвые или все еще слабо шевелящиеся, они были сброшены по желобам в океан.

Стоп. А могут ли упыри плавать? Что, если они попадут туда, где снаряды? Вертолет «Сихоук» мог бы опустить гидроакустический узел в воду для проверки, но «Сихоук» остался в прошлом, его отправили за борт. Это был прямой приказ отца Билла. Все летные аппараты должны были быть демонтированы в течение месяца. Это была тяжелая, рискованная работа. Люди гибли, выполняя ее, потому что никто не осмеливался убивать упырей там, где отец Билл мог это увидеть. Для Нисимуры каждый самолет, сталкиваемый за борт был тиканьем механизма бомбы.

Потом все стало еще хуже.

Никто этого не ожидал. Да и с чего бы? Последнее, что кто-либо слышал о капитане Пейдж, – что он провел десять дней в лазарете. По кораблю поползли странные слухи. Через девять дней после бунта упырей на авианосце «Олимпия», прямо посреди утренней молитвы отца Билла, с мостков на метеорологическом уровне раздался громкий крик. Население «острова» сократилось до тридцати пяти человек, но некоторых пока не перевели наверх. Нисимуру, например. Он резко сел, ударившись головой о столешницу.

– Капитан Пейдж! – закричал кто-то. – Это капитан Пейдж!

Даже самые ослабевшие мужчины находили в себе силы выбежать на мостки. Нисимура был полон надежд. Если и существовало что-то способное пробудить моряков, находящихся под чарами этого психа, так это возвращение человека, олицетворяющего цивилизацию, закон и социальные порядки.

Нисимура вышел на мостки последним, но теперь его лучше кормили, и мышцы были полны сил от ежедневного экстрима на нижних палубах. Он протиснулся мимо других, чтобы перегнуться через перила. Если Пейдж был там, внизу, с упырями, ему грозила смертельная опасность. Нисимура был готов прыгнуть в самое пекло, чтобы спасти своего капитана.

Проблема была в том, что капитан Пейдж был уже мертв. Он всегда был костлявым, угловатым, с худощавым лицом

и заостренным подбородком, розовым от энергичного бритья. Парадная форма никогда не сидела на нем как следует – знак того, что в душе он был работником, а не бюрократом. Ничего не изменилось. Он по-прежнему был капитаном Пейджем, только немного зеленее. Нисимура тщетно искал раны. Возможно, капитан все-таки умер от своей болезни.

Его тело скреблось о сталь с такой силой, что содрало серую краску. На навигационном мостике стояло капитанское кресло, и Нисимура был уверен, что Пейдж помнит его.

Голос Хенстрома зазвенел из системы громкой связи:
– Отец Билл идет! Отец Билл идет!

Каждый визит их предводителя вниз сопровождался пафосными объявлениями, и оставшиеся матросы расступились, открыв обзор на идущего впереди Хенстрома с медным распятием в руках; за ним следовали два телохранителя. Оказавшись на нижней площадке, священник в гавайской рубашке остановился, и Хенстром передал старику его символ власти.

Отец Билл слегка неуверенно и медленно приблизился к перилам. Он выглянул вниз, затем выдохнул, протяжно и тихо.

– Капитан, – прошептал он, – вернулся.

Единственное, что Нисимура отметил и на что мог прореагировать, – выпученные от ужаса глаза Хенстрома. Как только отец Билл уступит свои полномочия, с этим мерзавцем будет покончено. Нисимуре хотелось крикнуть: «Хва-

тайте священника! Хватайте его!» Но «задержка Нисимуры» сослужила хорошую службу. Лейтенант-коммандер Уильям Коппенбург повернулся лицом к своей пастве, воздел руки и повысил голос, перекрикивая шум океанских волн:

– Капитан вернулся!

Отец Билл прижал руку к груди, обращаясь к задним рядам импровизированного театра. Его рот растянулся в широкой улыбке. Солнечный свет ударил в глаза.

– Галерейная палуба. Первая палуба, главная ангарная палуба, вторая палуба, третья палуба, четвертая палуба! Сколько всего нижних палуб, спрошу я вас? И сколько кругов ада, по преданиям, существует в печально известном подземном мире Данте? Радость, ликование и откровение! Капитан Пейдж прошел через все семь! Он завершил свою «Долгую прогулку»! Уже несколько дней я твержу о слиянии людей и демонов в существо, превосходящее любого из нас! Теперь посмотрите, что произошло: предводитель демонов выходит, чтобы встретиться с предводителем людей! Благодарю тебя, Господи! Час объединения близок.

– Что нам делать, святой отец? – спросил кто-то.

Отец Билл с ошеломленным видом огляделся. Он явно был обескуражен таким поворотом. Пошатываясь, он подошел к перилам, за которыми был Тихий океан. Нисимура проследил за взглядом отца Билла, ползущим вдоль правого борта корабля. Серебряные волны разбивались о корму, а от солнца корпус казался расплавленным. Разбивающиеся,

плавающие – так Нисимура представлял себе мысли капеллана.

– Бутылка, – пробормотал отец Билл.

– Отец? – переспросил Хенстром. – Бутылка чего?

– Бутылка, бутылка!

Хенстром передал приказ охраннику, который поспешно удалился, оставив отца Билла со вторым вооруженным охранником – таким уязвимым, если бы у кого-нибудь, кроме Нисимуры, хватило воли сражаться. Спустя четыре напряженные минуты охранник вернулся с бутылкой газированной воды «Сан Пеллегрино» с длинным горлышком. Отец Билл схватил ее свободной рукой, словно второе распятие. Перегнувшись через перила, Нисимура увидел множество потрясенных лиц паствы. Вода здесь была бесценна.

Соленые брызги хлестали по ухмыляющемуся лицу отца Билла.

– Именно в стране Гергесинской Иисус сошел со своей лодки и наткнулся на человека, одержимого нечистым духом, человека, которого невозможно было связать, который кричал среди могил день и ночь! Иисус спросил его: «Как тебя зовут?» И этот человек ответил: «Имя мне Легион, ибо нас много!» – Отец Билл указал своим распятием на капитана Пейджа. – Смотрите! Теперь это Легион! И корабль, на котором мы плывем, – это та самая лодка, на которой Иисус прибыл в страну Гергесинскую! Таким образом, это священное судно больше не должно называться чужим именем! Се-

годня, в честь Легиона демонов, я переименовываю этот корабль в «Капитана Пейджа»!

Рука капеллана резко опустилась. Бутылка разбилась вдребезги, искрящаяся минеральная вода, порозовела от крови, стекавшей с ладони, порезанной о сверкающее стекло. Отец Билл отшатнулся, подняв к лицу окровавленную руку, и ему помогли отправиться обратно в ЦУП.

Прочие члены экипажа остались без каких-либо дополнительных указаний. В течение последующих часов стук тела Пейджа о стенку кабины символизировал ожидание. Все смотрели друг на друга, и пристальнее всего – миссионеры на Нисимуру. Он понял. Сегодняшняя миссия должна была пройти прямо через этих взбудораженных упырей – прямо через капитана Пейджа. Плохая идея во всех отношениях, и Нисимура должен был довести это до сведения лидера.

В назначенное время он поднялся в ЦУП для ежедневного инструктажа по выполнению миссии. Вместо обычной демонстрации отвращения охранник бросил на Нисимуру умоляющий взгляд, такой же, как у миссионеров. Отец Билл обмяк в кресле, его ошеломленный взор был прикован к кровоточащей руке. Колени Хенстрома, сидевшего в кресле напротив, подпрыгивали, словно он не находил себе места. Рулон марлевых бинтов, от которого, по-видимому, капеллан отказался, упал к ногам Хенстрома и раскатался по дорожке как туалетная бумага. Нисимура проследил глазами его путь.

– Вы сделали то, что должны были, – настаивал Хен-

стром. – То, что вы должны были сделать, чтобы повести нас.

– Иисус вел не убийством. Он вел своей собственной смертью.

Марлевая дорожка оборвалась на неожиданном месте – у медного распятия на сломанном шесте, прямо у двери ЦУП. Нисимура попытался разобраться, что к чему, он никогда не видел, чтобы к этому распятию относились не как к самой священной вещи в мире, да еще и вот так оставляли без присмотра. Оно стояло ближе к Карлу Нисимуре, чем к отцу Биллу. Да ведь Нисимура мог протянуть руку и схватить распятие.

– Вы не можете просто... – Хенстром растерянно умолк, прежде чем продолжить свое нытье. – Отец, все зависят от вас!

– Я не смогу это исправить, – пробормотал капеллан, – переименовав корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.